

Алексей

ТЕНЧОЙ

Путешествие в Шамбалу

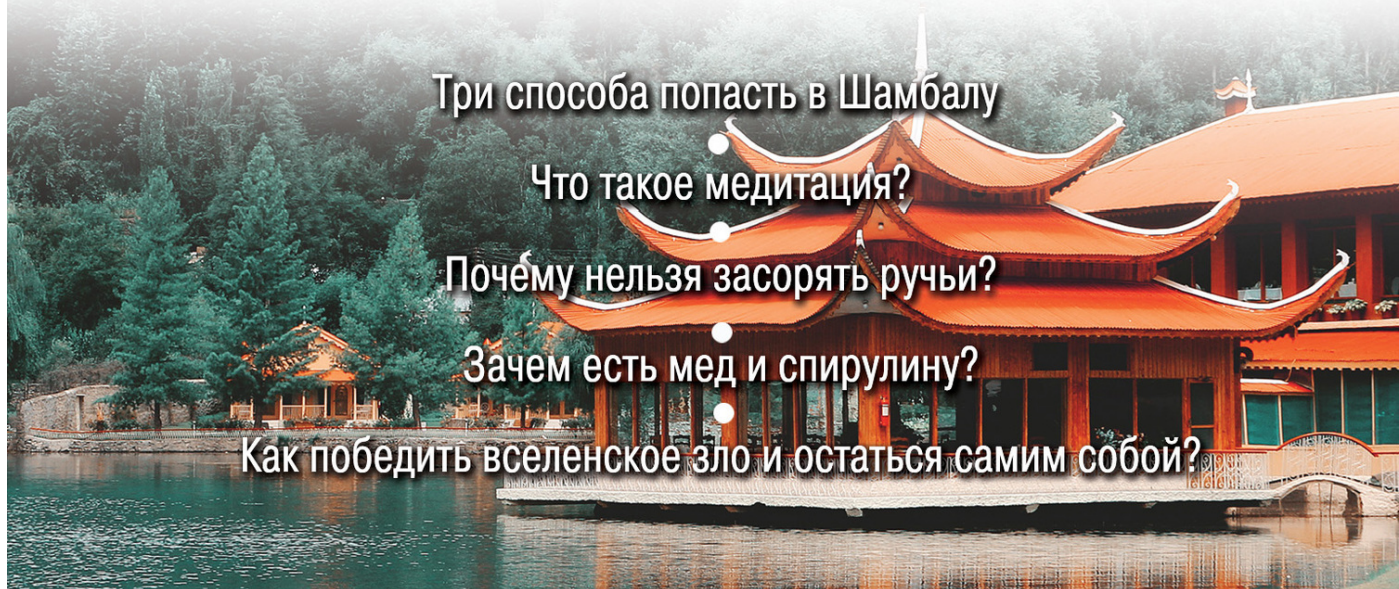
Три способа попасть в Шамбалу

Что такое медитация?

Почему нельзя засорять ручьи?

Зачем есть мед и спирулину?

Как победить вселенское зло и остаться самим собой?

Бестселлеры эзотерики

Алексей Тенчой

Путешествие в Шамбалу

«Издательство АСТ»

2019

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Тенчой А.

Путешествие в Шамбалу / А. Тенчой — «Издательство АСТ»,
2019 — (Бестселлеры эзотерики)

ISBN 978-5-17-115786-9

Путешествие в Шамбалу – это роман в двух частях о поисках загадочной страны, о путешествии, в котором каждый найдет эту волшебную страну внутри себя. В каждой из частей романа участники событий вынуждены отправиться в нелегкий путь в поисках истины. Несмотря на некоторую фантастичность повествования, каждый читатель найдет черты героев в себе, и, может быть, в жизненных перипетиях читателю будет проще найти опору и цель в жизни.

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-115786-9

© Тенчой А., 2019
© Издательство АСТ, 2019

Содержание

Часть I	6
Глава 1	6
Земля. Поселение людей	6
За год до рождения звёздного мальчика – Ананды	9
Ребёнок, что дороже всех алмазов мира	13
Путь, в котором жизнь кажется призрачной и короткой, а горная дорога реальной и бесконечно длинной	13
Подмена	16
Звёздный воин – Рохан	17
Тайная империя колдуна Дугпа-Мары	18
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Алексей Тенчой

Путешествие в Шамбалу

Серия «Бестселлеры эзотерики»

© Тенчой, А.

© ООО «Издательство АСТ»

* * *

Часть I

В древние времена

Глава 1

Земля. Поселение людей

Тишина стояла над поселением, жители которого под конусными навесами соломенных крыш крепко спали мирным сном, и только назойливый гнус да стрёкот цикад нарушали эту давящую душную тишину. В одной из хижин, стоящей на самой окраине посёлка, не смыкал глаз мудрый старец Оракул-Саду, потому что он знал, что в эту особенную ночь произойдет на земле великое чудо рождения, и ждал, ждал с нетерпением этого волшебного часа, тайну которого ему открыли звезды. Всё его жилище было наполнено тонкими ароматами восточных благовоний. Сам же Оракул-Саду, облаченный в жёлтые одежды, восседая на своём троне перед домашним алтарем, совершал огненную пуджу.

Он неустанно начитывал мантры и возносил молитвы к Высшим силам, призывая небо ускорить миг, когда спасение для людей в виде рождённого на свет ребёнка будет послано на землю.

– Да простит небо мой народ и мою великую землю, и разверзнется тьма, – громко взывая к Богам, говорил он. – И начертит невидимая рука вершителя судеб новый поворот в книге жизни моего народа, и сойдутся планеты в тайном пересечении линий своих гравитационных полей, и будет послано на землю спасение.

Тёмное ночное небо низко нависло над землёй и закружилось миллиардами звёзд. Они летали по изломанным углами линиям, соединяясь в схематическом рисунке созвездий. И вот, в самую тёмную ночную минуту, небо вдруг озарилось вспышками новых четырёх очень ярких звёзд, сложившихся пересечением своих лучей в крестообразную фигуру. Эта фигура, какое-то время не двигаясь, зависла в таком положении, будто фиксируя его, а потом начала сильно вращаться вокруг своей оси, создавая мощный спиралевидный воздушный поток.

Звёзды сразу закружились в сильном водовороте, и сквозь эту мерцающую мелкими огоньками воронку новые звёзды полетели на землю. Звёздная воронка своим крутящимся и сильно гудящим вихрем накрыла посёлок, и четыре звезды упали на соломенные крыши и, будто пройдя сквозь них, зажгли в домах свет.

Разрезали тишину громкие пронзительные вопли женщин, которым суждено было этой ночью познать материнское счастье. Весь посёлок, разбуженный этим криком, ожил. Перепуганные человеческими возгласами кони заржали, забили копытами, вставая на дыбы, готовые сорваться с привязей. Засуетились, забегали в темноте люди, зажигая промасленные животным жиром и установленные на длинных деревянных рукоятках факелы. Они бежали к жилищам, из которых доносился женский плач, и, будто суровые стражи, выстраиваясь в ряд, застыли у входа, охраняя эти хижины.

Напряжение томительного ожидания рождения детей повисло в воздухе, все ждали этого счастливого момента. Крик четырёх родившихся младенцев разрядил напряжение, и возгласы людского ликования вместе с проснувшимися солнечными лучами наполнили наступающее утро.

Все уже давно ждали этого напороченного Оракулом – Саду дня и долго к нему готовились, запасаясь продуктами для празднования этого особенного в жизни поселения события.

Множество костров в одночасье вспыхнули в округе, забили ритуальные бубны, и большие котлы, предназначенные для готовки национальных кушаний, повисли над огнём.

Тут же, приближаясь к центральной площади посёлка быстрыми уверенными шагами, шёл древний, как и род этого племени, шаман. Вид его был устрашающим: белки глаз в мелких кровеносных прожилках, слежавшиеся волосы, будто уже многие годы немые, висели засаленными чёрными прядями, и в дополнение – старая, потёртая временем одежда подчёркивала его отшельничество и одинокую жизнь в горах. Но сегодня он, как и все жители, был рад рождению малышей и спешил попасть на торжество.

На скрученной, промазанной грязью тростниковой верёвке он волоком тянул за собой привязанных за рога и приготовленных к закланию козлят. Козлята, чувствуя свою гибель, не хотели идти. Они мекали и упирались маленькими копытцами в землю, но под силой натяжения верёвки кое-как всё равно перебирали ножками.

Приблизившись к месту намеченного празднования, шаман остановился, сбросил с плеч верёвку и намотал её на вбитый в землю столб. В руках шамана заблестал острым лезвием стальной кинжал, и жалобное блеянье дополнило звуки просыпающейся деревни. Шаман, горланно загнусавив напев, значение слов которого было понятно только ему, быстро орудовал ножом. Жертвенные животные были ловко освежёваны, и в их окровавленных шкурах новоиспечённые матери вынесли на улицу сыновей, чтобы показать их Старейшине.

Босые женщины в обмотке из жёлтых сари и дупатт, держа в руках кровавые свёртки, опустив низко головы и не поднимая глаз, под ликующие крики толпы по очереди подходили к Старейшине, падали пред ним на колени и протягивали ему новорождённых. Старейшина, один суровый взгляд которого заставлял любого мгновенно умолкнуть, внимательно осмотрев детей, подёргав их за ручки и ножки, заглянул каждому в лицо. Когда он осматривал детей, взгляд одного из младенцев настолько захватил его душу и привлёк сознание, что, взглянув в его очи, словно провалился Старейшина в звёздную бездну и улетел сознанием до самых границ вселенной, до самых галактик.

Так он узнал и понял для себя, кто из этих младенцев является звёздным посланником, но виду не подал и ничем не выделил малыша из четырёх, чтобы враги, которые тоже знали о рождении мальчика, не могли понять, где он.

Старейшина, довольно кивнув и пригнувшись к уху своего советника, немногословно, вполголоса провозгласил:

– Великое событие свершилось в эту ночь, соберите совет поселения для решения дальнейшей судьбы этих детей.

Потом он окинул серьёзным взглядом собравшихся на площади людей и улыбнулся. Народ, поймав благосклонную, одобрительную улыбку, загудел, будто пчелиный рой, и большое пиршество, сопровождаемое песнями и плясками, разразилось в этот праздничный день.

Из этой ликующей толпы незаметной тенью выскользнул маленький юркий человек, который всё это время следил за событиями в посёлке. Он быстро бежал к окраине поселения и, вскочив на лошадь, поскакал в сторону города, чтобы тайно сообщить о произошедшем.

В этот же день на совет поселения собрались главы родов. Мужчины и женщины парами проходили в овальное глиносоломенное строение, ограждённое высоким плетёным забором и глухо уплотнённое пуками тростника.

Вход в это ограждение открывался только тогда, когда Старейшина собирал совет. Молча, стараясь не нарушать тишины, чуть слышно передвигая ногами по устеленному соломой полу, они проходили внутрь строения. И также бесшумно усаживались в эту солому на пол вокруг пылающего, ограждённого камнем очага.

Под строгим парализующим взглядом Старейшины воцарилась тишина, и он заговорил жёстким, но очень звучным голосом:

– Сегодняшней ночью свершилось предсказание Оракула. После великой войны родился ребёнок, предназначение которого – стать освободителем нашего народа. Как Оракул и предсказывал, это произошло в день, когда планеты встали крестом.

Старейшина сделал паузу, внимательно осмотрев присутствующих.

– Моё решение такое: четверо мальчиков будут воспитаны в горах, и их заберут у родителей сегодня.

Женщины зашептались, но Старейшина ужесточил тон своего голоса:

– Матерям не будет дозволено навещать детей, и знать об их судьбе им более не дано. Мы должны исключить разглашение этой тайны.

Женщины переглядывались между собой. Старейшина, уловив их немые вопросы, тоном, не признающим никакого возражения, продолжил:

– Дети получают лучшее воспитание, лучшую еду.

Он окинул повелительным взглядом собравшихся людей.

– Главы родов! – обратился он к предводителям семейств. – Вы будете обеспечивать это, даже если меня не станет. Для всех жителей нашего поселения мы объявим, что все четверо детей погибли в пожаре. Вы, главы родов, в ответе за их будущее и должны поклясться, что об этом решении не узнает никто из вашего рода. Только ваши преемники, которые, так же как и вы, должны будут поклясться о неразглашении этой тайны, могут об этом узнать, а также полностью поддерживать этих детей до полного их взросления.

Старейшина взял в руки каменную чашу и, пройдя с ней по кругу, запел мантру:

– Гом рана Гом, Гом рана Гом...

И каждому из присутствующих надрезал слегка запястье, взял по несколько капель крови и, перемешав её в одну массу, плеснул в костёр. Искры от пламени, пожирая человеческую плоть, сильными вспышками взметнулись вверх.

Так, на огне и крови, была дана клятва – сохранить тайну и исполнить волю Старейшины, чего бы это ни стоило.

Весь день в поселении шёл пир, ненасытным пламенем полыхали костры, и люди веселились, праздновали рождение малышей. А ночью начавшийся пожар уничтожил соломенные строения. Горестное утро выло плачем матерей, которые, обезумев от горя, хоронили в закрытых гробах пепел младенцев.

А в это время от посёлка, гаснущего в пепле углей и дымящегося чёрными струйками едкого дыма, в горы уходил небольшой крытый караван гружённых продуктами повозок и повозка, в которой две кормилицы держали на руках младенцев, жадно давящихся грудным молоком, сильно прыскающим в их рот из тёмных мясистых сморщенных сосков.

Через день приехавшие в посёлок военные, посланные градоначальником за детьми, устроили тщательный обыск и допрос всех очевидцев, заплаканных матерей и вскрыли детские могилы, забрав пепел из гробов.

Старейшину пытали перед всем поселением, желая узнать, что скрывает тайна рождения детей, но он молчал, зная, что его жизнь будет отдана за жизнь звёздного посланника, который спасёт их живущий в великих бедах и страданиях народ. Умершего во время пыток Старейшину воины обвязали за ноги длинной веревкой. Его бездыханное тело несколько раз проводили по посёлку конные всадники.

Главы родов не избегли той же участи. В живых остался только один из глав южного рода поселения, который сопровождал повозку с младенцами, и только это спасло ему жизнь.

Эту священную тайну – о предсказании Оракула и о рождённых детях, о данном Старейшине обещании – он рассказал своему сыну, взяв с него такое же обещание, такую же клятву.

Так волею судьбы получилось, что только в одном роду осталось обязательство помогать детям, которых увозили в горы.

Нещадно палящее солнце вошло в зенит, передвигаться дальше в этой изнуряющей жаре было невозможно. Тяжелогруженные телеги, спрятанные в горных тенистых перевалах, чтобы продолжить свой дальнейший путь, ждали того часа, когда солнечный шар закатится за горную гряду и вместе с опустившейся тьмой придёт в горы долгожданная прохлада.

Измученные дорогой дети плакали, и кормилицы, потряхивая подвешенные на них билумы в надежде успокоить младенцев, затыкали их рты сочащейся грудью, обтирали нежные детские тельца влажными тряпицами и отгоняли от малышей крупными листьями растений назойливую мошкарку. Слезы страха, боли и безысходности душили и сжимали их горло, так как с высоты горной местности, где они сейчас находились в своём укрытии, им были видны чёрные клубы дыма, взметнувшиеся в небо над их бывшим поселением.

Старец Оракул-Саду, который и предрёк появление этого дитя, тоже контролировал путь каравана, в дороге ориентируясь на звёзды. Понимая всю сложность ситуации, он резко и, может быть, даже грубо, в не свойственной ему манере, приказал женщинам:

– Уберите свои эмоции, излишние слёзы могут способствовать перегоранию грудного молока, а путь, который мы должны пройти, – опасный, длинный и очень непростой. Ваши жизни без жизни вверенных вам для вскармливания младенцев ничего не стоят. И если одна из вас не убережёт младенца, я сам лично вырву ей сердце.

Женщины, слушая такую суровую речь, плотнее прижали к себе детей.

Оракул-Саду подошёл к каждой женщине и проверил состояние мальчиков, а также без лишнего стеснения осмотрел и ощупал женские груди, сильно сдавливая и дёргая за соски, проверил наличие в них молока. Жирные струйки брызнули ему на одежду.

Старец довольно улыбнулся и одобряюще похлопал широкой сморщенной шершавой ладонью по плечу одну из кормилиц:

– Всё, на чём вам нужно сосредоточиться сейчас, – продолжил он своё пояснение, – это сохранность и здоровье детей.

Женщины покорно кивали ему в ответ.

За год до рождения звёздного мальчика – Ананды

Ночь была очень тёмной и звёздной. Большая полная молочного цвета луна выползла и повисла на небосклоне. Лунная дорожка потянулась длинной серебристой лентой и скользнула в маленькое оконце домика, высветив укромный закуток в комнате.

Девы спала на плетёном ротанговом сундуке, устланном большими бархатистыми листьями травы, прикрывшись тонким отрезом шёлкового, почти невесомого лоскута. Сон девушки был беспокойным и тревожным, она вертелась и стонала во сне. Её мать, встревоженная состоянием Девы, схожим с состоянием человека в бреду, подошла и положила руку на её лоб. Девы горела. Всё её тело было охвачено жаром. Пожилая Махамади, запалив масляный фитиль, осветила слабым огоньком лицо дочери. Губы Девы были распухшими, и на них проступали мельчайшими точечками капли крови. Дочь вскрикивала и стонала. Махамади, откинув с неё тонкое покрывало, увидела, что прямо на её глазах по всему телу Девы рассыпаются такие же кровавые следы.

Она встревоженно побежала в комнату, где крепко спал, отдыхая после трудового дня, её супруг.

– Ашока, проснись, – стала трясти она его за плечи.

Ашока, ничего не понимая, присел на краю постели.

– Что такое случилось? – встревожился он.

– Наша Девы, она тяжело заболела, – взволнованно объяснила Махамади.

Ашока поднялся, вместе с ней подошёл к Деви и стал смотреть на дочь. Кожная сыпь густо покрыла её шею. Махамади попыталась разбудить дочь, но та, по-прежнему пребывая в бреду, спала.

Принеся глиняную крынку с водой и плеснув в неё уксус, Махамади смочила кусок тряпки в уксусном растворе и стала протирать бьющееся в ознобе тело Деви.

В этот миг страшный нечеловеческий крик, похожий на дикий душераздирающий вопль зверя, наполнил их жилище, и с сильной волной ветра некая сгустившаяся субстанция, похожая на тёмный человеческий облик, пронеслась по комнате.

Махамади от охватившего её ужаса тоже закричала и прижалась к груди мужа, ища у него защиты.

Деви, тоже закричав, очнулась ото сна и вскочила с постели.

– Мама, папа, что происходит? – испуганно вскрикнула она.

– Ты, – сказал отец, – больна, – и показал на сыпь, которая так же быстро стала пропадать, как и появилась.

Тревога росла в этой семье и, не понимая, что происходит с их дочерью, Ашока решил показать её Оракулу-Саду. Не теряя ни минуты, он повелел дочери одеться и, погрузив её вместе с Махамади в двухколёсную повозку, взял ишака под уздцы. Деви плакала, так как ей было страшно и она не знала, что же говорить старому и мудрому Оракулу-Саду.

Оракул-Саду не спал и, услышав поскрипывание колёс, вышел из большого круглого глиняного дома им навстречу. Ашока хотел было ему что-то сказать, но серьёзный Оракул-Саду жестом руки показал ему знак молчания. Он сам подошёл к повозке и внимательно посмотрел на женщин, которые под его пристальным взглядом перепуганно вжались в сиденья. Саду протянул свою руку Деви и помог ей сойти на землю. Также молча, держа её за руку, он подвел Деви к дверям своего дома и, оглянувшись на застывших и не понимающих, как им себя вести, родителей, приказал:

– Ей нужно лечение, уходите отсюда, она вернётся в дом сама.

Робкая Деви, сопровождаемая Оракулом-Саду, прошла и остановилась в середине комнаты. Оракул – Саду разложил вокруг неё ритуальные предметы из камней, палочек, костяшек, зажёл свечи и благовония и оставил Деви стоящей в ритуальном кругу. Сам же он воссел на трон напротив и, застыв так, будто окаменел, стал пристально смотреть ей в глаза. Этот взгляд так проникал в сознание Деви, что её голова закружилась. От этого Деви задрожала, её ноги подкосились, и она упала на ковёр, на котором стояла.

Туманный дымок благовоний тихо тянулся, витал над ней и окутывал всё пространство тонкой, мутной дымящейся пеленой, пахнувшей различными пряными ароматами, которые сильно пьянили и кружили голову Деви. Она впадала в состояние, приближённое ко сну. Сгустившийся воздух маревом колыхался над Деви, и в этой меняющей свои формы дымке, будто в переливах хрустального шара, Саду увидел то, что произошло с Деви – самой красивой девушкой их посёлка.

Он увидел её спящей на плетёном коробе в скромном, жалком жилище. Одновременно с этим Оракул-Саду слышал монотонно отбиваемый, будто деревянной колотушкой, стук по кожаной мембране барабана и бесконечно повторяющийся ритуальный напев: «Шам-шам, Шаман – Мара, Деви, Мара, шам». Кто-то незримый при помощи ритуала вызывания к себе человеческой души звал Деви. Душа Деви под монотонный звук этого песнопения отделилась от тела и облаченная в самое изысканное, струящееся невесомое сари, увешанная драгоценностями, шла тайком по улицам своего поселения. Вернее, даже не шла, а парила, совсем не касаясь босыми ногами земли, будто плыла, медленно поднимаясь над дорогой, соломенными крышами домов, а потом всё выше и выше в горы, и летела в тайную, невидимую снаружи человеческому глазу пещеру.

Каменная комната больше походила на пещерный грот, нежели на жилое помещение. Тяжёлые массивные плиты, выложенные уступами, служили одновременно и скамьями, и лежанками, и тронм одному-единственному господину верно на протяжении трёх веков – Дугпа-Мара, чёрному магу, творящему только зло. Козьи шкуры устилали холодные уступы, и головы туров смотрели на Деви со стен, зыкая тёмными пустыми зеницами. Девушка, дрожа, стояла на огромной чёрной шкуре буйвола, застилающей пол. Смертельный страх окутал её. Со всех стен факелы из человеческих черепов вспыхнули огненными глазницами, и лучи этого света соединились на ней, как на центральной точке.

Дугпа-Мара подошел к Деви вплотную и поднёс к её губам чашу из высокобленной черепахи, до краёв наполненную кровью. От одного только взгляда старого колдуна слёзы ручьями потекли по щекам Деви. Дугпа-Мара взял крепкой цепкой рукой девушку за скулы и сжал их, приоткрывая её рот и вливая туда жидкость из черепка. Губы девушки коснулись этой жидкости, и её сознание поплыло. Одним из козих копытцев, которые в изобилии висели на шее как крупное ожерелье, колдун протёр губы Деви и прильнул к ним жадным поцелуем так, что капельки крови выступили из губ. Деви плавно опустилась в длинный ворс шкуры забитого накануне этой ночи животного, и Дугпа-Мара стал срывать с неё одежды, обнажая прекрасные упругие, в самом соку, девичьи груди. Деви, не имея возможности сопротивляться, стонала и плакала, а он, грубо тиская, покусывая, ласкал её, оставляя на шее следы сильных кровавых подтёков. Когда наступил миг проникновения в неё, Дугпа-Мара, подобно хищному разъярённому зверю, со всей силы вонзился в неё, беспощадно терзая её лоно. Деви кричала. Тонкая струйка крови стекала по внутренней стороне её бедра и алыми бусинками капала на белое сари.

Картинка в дымке сменилась, и Оракул-Саду увидел Деви на её плетёной лежанке мечущейся в бреду, а рядом её взволнованную мать, пытающуюся помочь дочери. Смочив в уксусном растворе тряпку, она стала обтирать тело Деви. Страшный звериный крик разрезал и наполнил пространство. Дугпа-Мара, обожжённый этим раствором, отпрянул в сторону от Деви, а она, очнувшись, бессознательно уцепилась рукой в его ожерелье и оборвала копытце, зажав его в своей ладони. Копытце, которым он стучал в барабан, вызывая к себе её невинную девичью душу.

Оракул-Саду подошёл к спящей Деви и разжал её кулачок. Завладев талисманом, вещью, принадлежащей древнему колдуну, он смог настроиться на его образ и по штреку времени вернуться в прошлое, чтобы узнать о его намерениях. Оракул-Саду был удивлён, узнав в Дугпа-Мара почтенного Раджу, именитого и приближённого к правителю. Он увидел в Радже его второй лик – лик монстра, сидящего в его теле, лик колдуна Дугпа-Мара – и стал, читая над копытцем различные мантры, считать его грязные чёрные мысли. Оракул увидел, как колдун лечит людей, которые, доверяя его мастерству, нескончаемым потоком идут к нему, а Дугпа-Мара заточенным остро алмазом прокалывает кожу человека и берет у него кровь для того, чтобы совершить предсказание и, отталкиваясь от него, дать страждущему необходимое зелье. А на самом деле использовал потом засохшую кровь человека, совершая ритуал для усиления своей энергии и продления своих жизненных сил. Таким образом, взяв кровь у человека, колдун всегда имел возможность черпать из прямого источника жизненную силу, и от этого росла его магическая сила. Дом колдуна был хоть и сер, но богато уставлен сундуками с золотом и драгоценными камнями, которые ему щедро жертвовал правитель за то, что он управляет духами стихий, оберегая его земли. А на самом деле колдун сам мог наносить астральные энергетические удары, а для всех говорил, что духи неба покорились и служат ему.

Кадры в дымке менялись, Оракул-Саду видел колдуна в различных масках чудовищ. В таком виде колдун представал пред всеми, но никто никогда не видел и не знал его лица. Он шёл по улице в определённой красочной маске, и все расступались пред ним. Все знали и боялись – вот он, чёрный маг идёт. Но Саду увидел, что при этом колдун в образе Раджи спокойно

выходит в город в своём обычном виде, через тайную дверь, и также возвращается домой через неё – то есть ведёт двойную жизнь. И в таких случаях никто не ведал и не догадывался, что пред ними маг. Оракул-Саду из своих видений узнал ещё одну чудовищную весть: колдун ночами в образе Дугпа-Мару, занимаясь астральным сексом с наикрасивейшими женщинами селений, сеет в них своё семя, и женщины рожают детей, наделённых тёмной магической силой, и по сути – это дети Дугпа-Мару. Тем самым Дугпа-Мара создаёт своё тёмное войско, которое интенсивно растёт, и именно от этих тёмных сил происходят все беды, несчастья, войны у его народа.

Девы спала, а Оракул – Саду ещё долго, застыв на своём троне, сидел и обдумывал происходящее. Если не предпринять меры, ещё один отпрыск из семени Дугпа-Мару пополнит войско чёрных воинов. И Оракул – Саду, также на астральном плане, занялся сексом с Девой, чтобы нейтрализовать чёрное семя колдуна. Девы, охваченная страстью от жадных ласк Оракула-Саду, стонала и бредила, как и в начале этой ночи. А потом Оракул-Саду взмолился Богам, вымаливая прощения для себя, а для Девы – светлого ребёнка. И через молитвы Оракула-Саду и открытый астральным сексом фрактал вошла во чрево Девы душа младенца из высших сфер. Таким образом, теперь Девы носила ребёнка, наделённого высшими силами чёрной и белой сторон – звёздного ребёнка. И этот младенец, посланный Богами, теперь придёт на землю, чтобы уравновесить эти стороны.

В наступившем дне Оракул-Саду призвал к себе на совет Старейшину.

– Послушай меня, уважаемый человек, – обратился к нему Оракул-Саду. – Боги снизошли к Девы, сделав её полубогиней, так как она теперь беременна звёздным ребёнком, который родится в скрещении планет и будет спасителем нашего народа. Необходимо обеспечить Девы хорошую охрану и достойное пропитание. Но то, что ребёнок наделён такой огромной силой, мы должны сохранить в тайне, – предупредил он Старейшину.

Этим же днем Старейшина прислал за Девы запряжённых в телегу коней, и она благополучно вернулась домой, где её уже ждали родители.

Колдун Дугпа-Мара сидел у себя в жилище и, боясь быть разоблачённым, кидал кости, всматриваясь в их хитрое сложение. Посредством гадания на костях он заглянул в будущее и узнал о необычной беременности Девы. Таким образом, будущий младенец стал представлять собой сильнейшую опасность для Дугпа-Мары, так как был, даже будучи в утробе, по своим эманациям намного мощнее его и, соответственно, имел такую силу, которая может его, колдуна Дугпа-Мару, погубить. И когда он это понял, то единственной его целью стало похищение малыша, так как, завладев его формой, колдун мог приобрести бессмертие. Потому что душа этого ребёнка, пришедшая из звёздных сфер, несла в себе великие духовные и мистические знания, которые могут дать всем людям – или тому, кто завладеет этой душой, – такое просветление сознания, способствующее усилению вибраций планеты, благодаря которому обладатель этой души получит возможность управлять всей цивилизацией. Получив этого младенца и завладев его формой, любой может стать царём, возвыситься над бренным миром, получить сверхзнания и властвовать над душами как живших ранее, так и живущих в данном отрезке времени.

Когда колдун Дугпа-Мара осознал всё происходящее, он отправился к правителю:

– Мой Господин, – обратился к нему колдун. – Я хочу вам рассказать о видении, пришедшем ко мне этой ночью.

– Слушаю тебя, – ответил ему градоначальник.

Поведал тогда Дугпа-Мара правителю своё ложное знание о рождении младенца и убедил его в том, что от этого ребёнка будет исходить такое сильнейшее зло, которое угрожает правителю опасностью. Поэтому младенца надо изъять у роженицы живым, чтобы при помощи колдовского ритуала увеличить силу, власть и мощь правителя. Испуганный таким предсказанием правитель снарядил и выделил Дугпа-Маре войско, чтобы, во что бы то ни стало, добыть

это дитя. Щедро вознаградил правитель колдуна за такое предупреждение и полностью доверился ему.

Ребёнок, что дороже всех алмазов мира

Оракул-Саду знал, что Дугпа-Мара охотится на малыша, и поэтому тоже не дремал, а призывал все чудодейственные силы из звёздных измерений. Небо, услышав его мольбы, запутало звёздную паутину над домом колдуна, и в чудесную ночь рождения малыша колдун не узрел из своего окна долгожданного скрещения планет, тем самым пропустив момент появления ребёнка на свет, и – опоздал.

Разъярённое чёрное войско ворвалось в поселение ранним утром следующего дня. В чуть брезжащем рассвете воины искали следы ребёнка, неистово допрашивая ничего не понимающих жителей и матерей, горько рыдающих над своей утратой. Ничего не добившись, воины безжалостно казнили всех. Всё, что удалось им добыть от этого зверского налёта, – это был пепел младенцев, и вместе с крохотными гробиками они повезли его колдуну.

Дугпа-Мара скрестил магические кристаллы над кучкой золы, плеснул в неё из ритуального черепка кровь, размешал длинной трубчатой косточкой эту смесь и стал призывать в помощь демонов чёрных знаний. Словно сильный ветер пронёсся в помещении и поднял клубами пепел, и Дугпа-Мара увидел в нём пыль, выбиваемую конскими копытами, и удаляющуюся в горы повозку, увозившую детей.

Путь, в котором жизнь кажется призрачной и короткой, а горная дорога реальной и бесконечно длинной

Старец Оракул-Саду разговаривал с женщинами так, будто пред ним были не женщины, а воины.

– Помощи нам ждать не от кого, и вы должны научиться преодолевать страх, вырасти своим уровнем сознания, стать выше этой ситуации, подняться над ней.

Он суровым взглядом окинул несчастных женщин. Они, ещё до конца не осознавшие происходящее, тихо плакали.

– С этой минуты, минуты осознания, вы больше не женщины, вы – борцы за сохранность этих детей. Нам всем вместе сейчас надо, приняв эту данность, пережить, перешагнуть все эти трудности, и, даже если ради сохранности этих детей встанет вопрос потери собственной жизни, это надо принять как самопожертвование во имя спасения нашего народа.

Вдруг старец, насторожившись, повёл указательным пальцем по воздуху, давая всем понять, что необходимо соблюсти тишину. Цокот конских копыт и голоса воинов донеслись издали. Оракул достал из сумки козью шкуру. Это была одна из тех самых шкур, в которые укутали при рождении младенцев. Он быстро постелил её на каменистую почву. Затем вынул из-за пояса кости, разложил их на шкуре, капнул заранее приготовленные масла на середину шкуры и произнёс заклинание. Масляное пятно пошло рябью, затем на нём появилось изображение чёрного войска. Во главе войска был сам колдун Дугпа-Мара. Колдун прищипорил рысаков и направил их по следам беглецов. Оракул-Саду знал, что в этой погоне им нужно ждать, пока Ананде не исполнится сорок дней, и тогда у него включится сила, и проснётся мощная энергия, проявятся сверхспособности, которыми он, даже будучи грудным младенцем, уже сумеет управлять и сможет закрыть от сторонних глаз себя и весь отряд.

– Быстро все зайдите в пещерный грот, – скомандовал Оракул-Саду. – Чёрные воины ищут младенцев.

Никто не прекословил, понимая приближение опасности, и, не нарушая тишины, женщины с детьми на руках зашли в пещеру. Все действовали тихо и слаженно. Оракул-Саду рас-

сыпал из своего кисета по прилегающей дороге какую-то смесь из сбора трав, измельчённых в порошок. Подошел к младенцам и смочил маленькие скрученные тряпицы, опустив их в склянку с маковым взваром, приказал кормилицам дать их сосать малышам, чтобы те, крепко уснув, не выдали их пребывания в недрах горы своим плачем. Всех остальных Саду заклинаниями погрузил в глубокий сон, схожий с длительной медитацией. Такие действия Саду предпринял для того, чтобы экономить в течение сорока дней запасы еды и воды, так как принял решение отсидеться в этом гроте сорок дней. Только кормилицы, которым больше всех хотелось уснуть, были вынуждены вместе с Оракулом-Саду бодрствовать и следить за малышами. Оракул-Саду ни на мгновение не терял контроля над ситуацией, творил энергетические завесы над входом в пещеру и путал, путал своими мантрами путь врага.

Женщины сидели тихо в пещере и слышали, как рядом раздавался лай собак, как скакали кони и как гневно кричал разъярённый Дугпа-Мара:

– Они здесь! Я вижу их здесь, их надо искать здесь!

Но собаки, вдохнув запах раскиданных трав, утратили свой нюх, а воины, одурманенные напущенными на них заклинаниями, которые непрерывно творил Оракул-Саду, ходили по кругу, постоянно возвращаясь в одно и то же место.

Прошло сорок дней. Пещера осветилась солнечным светом, и введенные в транс люди стали просыпаться. Оракул-Саду впервые за много дней улыбнулся, отныне они спасены. Он ощутил, как мощная энергетическая завеса образовалась вокруг пещеры. И они все спокойно вышли на солнечный свет и невидимыми прошли подле своих врагов, которые вроде и смотрели в их сторону, но не зрели их.

Так воины, сопровождаемые колдуном Дугпа-Марой, ни с чем вернулись в город.

Правитель неистово орал на колдуна:

– Как ты посмел упустить младенца? Ты сам мне говорил, что мне угрожает опасность, что теперь делать?

Колдун Дугпа-Мара, понимая, что на самом-то деле опасность больше грозит ему, пытался убедить правителя увеличить войско и продолжить поиск ребёнка. Одновременно он понимал тщетность этого мероприятия, но где-то в глубине своей чёрной огрубевшей и обуглившейся от злости души всё же надеялся оттянуть время, чтобы придумать и создать своему сыну и сыну Оракула-Саду хитрую ловушку.

Караван крытых повозок мирно шёл, приближаясь к монастырю, расположенному в недрах горы Кайлас и названному в честь сверхъестественных сил, способных творить чудеса, – сил, погружающих сознание человека в самую глубокую медитацию для обретения сиддхи. Мандыр-Сиддхи – такое название носил этот монастырь.

Караван с повозками и малышами прибыл в монастырь, который снаружи не был виден простому человеческому глазу и полностью находился внутри горных недр. Вокруг него даже не было никаких троп, которые бы вели к монастырю и тем самым выдавали бы его наличие. О существовании этого монастыря – Мандыр-Сиддхи – знали только немногие, исключительно избранные, посвящённые в тайные знания люди. Оракул-Саду был причислен к этому списку и имел даже свой ключ для входа в монастырь. Он подошёл к отвесной стене и, сняв со своей шеи амулет, сунул его в скрытую меж глыбами камней расщелину. Немного погодя каменная плита с сильным скрежетом отъехала в сторону, освобождая вход.

Им навстречу вышел в светлом шата и тёмном, земляного цвета, коломо настоятель монастыря Лама-Сахель, который телепатически общался с Оракулом-Саду и уже знал, что целью следующего к ним в обитель каравана является сохранность и воспитание малышей, на которых объявил охоту городской правитель. Почему он охотится на этих детей, Ламе-Сахель ещё предстояло выяснить. Лама-Сахель со всеми в своём окружении, а также с вновь прибывшими в монастырь людьми общался молча, не проронив ни единого слова, не издавая ни единого звука, так как уже на протяжении нескольких лет держал обет молчания. Обменявшись взгля-

дом с Оракулом-Саду, Лама-Сахель приветственно склонился и жестом пригласил прибывших людей пройти внутрь, и они бесшумно, опасаясь нарушить стоящую вокруг тишину, прошли во врата.

Внутреннее устройство монастыря впечатляло гораздо больше, чем вид священной горы Кайлас снаружи. Масштабность сооружения внутри превосходила все представления о такого рода постройках. Монастырь Мандыр-Сиддхи был огромным, как старый, затерянный среди горных вершин и каменоломен древний город, многими веками изо дня в день создаваемый монахами. Пещеры, пещеры, пещеры, которые тянулись без числа по всему внутреннему периметру горы и меж собой, словно улочками, соединялись очень узкими проходами и необыкновенно просторными пролётами тоннелей. По самому центру монастыря Мандыр-Сиддхи, по центру купола, располагался огромный зал. Эти рукотворно выдолбленные в каменистом склоне пещеры специально были созданы так, чтобы в них можно было уединиться практикующим монахам, которые проводили там всё своё время в длительных изнуряющих тренировках, оттачивая различные энергетические техники и мастерство медитаций. Там же, в этих пещерах, были сокрыты от любопытных глаз монахи, которые сумели, усмирив своё эго, достичь состояния нирваны и постигли бесконечно тайные знания, овладев великим контролем над своим умом и телом, и теперь, пребывая в длительной медитации, совершали многолетней тёмный ретрит. Среди этих монахов были и такие, которые путешествовали душой в других астральных измерениях уже более сотни лет. Великие спящие монахи, однажды погрузившие своё тело в транс, сознанием путешествовали во вселенной, напитывая свой ум масштабными знаниями, чтобы, однажды проснувшись, когда придет звёздный знак, осуществить великую миссию по спасению человечества.

Лама-Сахель подошёл к детям, крепко спавшим в билумах, и стал осматривать их, чтобы понять, что же в них особенного и почему они подвергаются гонениям и прячутся в стенах монастыря. Внимательно осмотрев трех мальчиков, он не обнаружил ничего особо выдающегося.

– Самые обыкновенные дети, – подумал он.

Лама-Сахель, так же не ожидая увидеть что-то особенное, подошёл к кормилице, что держала на руках Ананду, и, отогнув угол тряпичного лоскута, прикрывающего ребёнка, посмотрел в его глаза. И что, что это? Лама-Сахель поймал струящийся из глаз младенца телепатический луч и услышал в своей голове его совсем не по-детски поставленный голос, вызвавший дрожь:

– Слабый сильного не учит, уважаемый Лама-Сахель.

Лама-Сахель от неожиданности отпрянул на шаг и бросил свой взгляд на Оракула-Саду. Оракул-Саду слегка кивнул. Лама-Сахель и без этого жеста уже понял, что к нему в монастырь прибыл наисильнейший за всё время существования Мандыр-Сиддхи ученик, и неизвестно ещё, кто у кого и чему должен будет теперь поучиться.

Поняв это, Лама-Сахель напрягся всем телом, почтённо склонился, сложив руки спереди, и телепатически ответил малышу:

– Приветствую тебя, Сильнейший из Сильнейших, Звёздный воин Ананда!

Все монахи, которые присутствовали при этой встрече, видя это, так же преклонились перед младенцем.

В это мгновение потоки струящегося воздуха наполнили пространство. Оракул-Саду и Лама-Сахель увидели колышущиеся дымки душ спящих монахов, которые влетали в монастырь, просачиваясь сквозь каменные стены. Они так же, как и все присутствующие здесь, преклонились, приветствуя Ананду. И мгновенно всё нутро горы ожило, наполняясь звуками молитвенных барабанов, которые закрутились сами по себе, знаменуя возвращение к жизни великих спящих монахов и приветствуя звёздного воина справедливости – Ананду.

Женщинам с детьми в этом монастыре отвели комнаты в самом дальнем крыле.

Когда их сопровождали туда, их путь лежал через центральный, находящийся под самым куполом горы, зал. От представшей пред ними красоты женщины замерли. В центре зала, на высокой мраморной резной подставке, был установлен огромный, небывалых размеров алмаз.

– Быть такого не может, – ошарашенно прошептала Лакшми.

Очарованная этой красотой, она, не отрывая глаз, смотрела на массивное, размером с каменную глыбу сокровище, из-под которого бил водопад чистой минеральной воды. От алмаза исходил свет, отражался от воды и покрытых слюдой стен так, что всё вокруг мерцало и переливалось всеми цветами радуги. И было так там светло – светлее самого солнечного дня.

Подмена

Необыкновенно высокий, даже, может быть, самый высокий на всей планете, упирающийся в небо купол этой горы, тоже пронизанный яркими, отбрасываемыми от алмаза бликами, – будто светился изнутри. Днём этого было почти не видно, но, когда наступала ночь, гора источала свет. И тогда таинственная вершина горы обретала и без того мистически глянцевою полированную поверхность, отражающую свечение. Грани поверхности горели зеркальной гладью и завораживающим светом и были видны издалека. В ночи могло показаться, будто это огонь маяка светит вдали, возвышаясь над тёмной грядой высоко поднимающихся гор.

За века существования монастыря Мандыр-Сиддхи подземные воды, бьющие в недрах горы, были все облагорожены и имели вид искусственно созданных водопадов, рядом с которыми прорастало множество густо насаженных плодоносящих растений, грибы, ягоды и всевозможные зелень, корнеплоды и фрукты... Растениям этим совсем не нужна была почва, так как мелкие пузырьки бурлящих вод создавали эффект гидропоники, и зелень, и плоды, выращенные в такой среде, обогретые светом, отражаемым от купола, были необыкновенно сочными и сохраняли все свои вкусовые и питательные свойства. Весь этот сад наполняли своим залихватистым пением самые красивые дивные птицы, летали бабочки и ползали жучки. Внутри горный оазис, созданный людьми, напоминал собой благоухающий цветущий рай, рай посвящённых монахов монастыря Мандыр-Сиддхи. Монахи, находившиеся на обучении в монастыре, сами ухаживали за этой плантацией, и, таким образом, монастырь Мандыр-Сиддхи находился на самообеспечении провизией.

Вновь прибывшие в монастырь женщины и дети после своего изнурительного путешествия отдыхали, а внутренняя жизнь монастыря протекала дальше в спокойном и отлаженном режиме.

В тёмной пещере, куда еле видимый свет сочился сквозь щели в камне, молодой, двадцати пяти лет от роду, монах Рохан совершенствовал духовное восхождение, позволяющее ему, практикующему сиддхи, освоить невероятные способности и выйти за возможные пределы тела, познав тайные знания восхождения духа над бrenным земным существом.

Рохан в самой распространённой асане лотоса делал ряд дыхательных упражнений и управлял своим сознанием, осваивал левитацию и, повиснув в воздухе, вышел из тела, находился душой с ним рядом и наблюдал со стороны.

Лакшми, уже отдохнувшая и набравшаяся сил, гуляла с Анандой в отведённом им крыле монастыря, переходя из тоннеля в тоннель. Одной рукой она покачивала Ананду, удерживая малыша у груди, а другой срывала ягоды, которые в этом монастыре росли повсюду. Она так увлеклась созерцанием окружающей растительности и процессом поедания ягод, что перепутала ходы и зашла в тоннель, в который ей путь был запрещён. О том, что она идёт не той дорогой, Лакшми поняла не сразу, а только тогда, когда вдоль стен потянулись тёмные входы в сокрытые пещеры. Лакшми растерянно застыла, думая, где же она свернула не туда. Ей бы, не раздумывая, пойти обратно, но сильное женское любопытство так охватило Лакшми, что она, не удержавшись, заглянула в одну из пещер и сильно удивилась тому, что увидела. В полу-

тьме тело молодого монаха, возвышаясь над каменистым широким уступом, висело в воздухе. Лакшми, забыв, что в её ладони находятся несъеденные ягодки, чтобы не закричать, прикрыла рукой рот, и несколько спелых плодов просыпались на пол. Она ещё больше испугалась быть разоблачённой, понимая, что наличие на полу ягод выдаст её и, положив ребенка на тот же уступ, над которым завис монах, стала собирать их.

Ананда, оказавшись на одном уступе с Роханом, притих и замер, принимая информацию из вселенной. Эпифиз мозга Ананды усиленно функционировал, и вибрации волн мозга возрастали. И в этом маленьком теле, в этой младенческой головке, мгновенно созрел план. Молниеносно душа Ананды вылетела из его тела и подселилась в свободную форму монаха Рохана. Тело, ещё мгновение назад висевшее в воздухе, тяжело бухнулось на каменную плиту.

От неожиданности Лакшми вскрикнула и, скорее схватив младенца, побежала с ним в своё крыло. Рохан, ещё до конца не осознав ситуацию, но уже поняв, что в свою форму ему не вернуться, полетел за Лакшми и вошёл духом в Ананду, надеясь потом совершить подмену в своё тело. Будучи в теле младенца и не умея выразить свои эмоции другим языком, он сильно, истерически плакал, но также одновременно с этим осознал, что ослаб своими членами и выход из тела Ананды ему уже не удастся.

Перепуганная Лакшми, не понимая, почему мальчик закатывается в плаче, ещё сильнее трясла младенца и затыкала его рот сморщенным тёмным соском. Неприятно сладкое молоко текло в рот Рохана. Лакшми была далеко не красавица, и вид хорошо потрепанной обвисшей груди и противного на вкус её содержимого доводил Рохана до тошноты, до срыгивания. Он истошно кричал и вырывался из рук кормилицы. Вторая, более старшая по возрасту и по мастерству, кормилица – Мандури – подросла на помощь Лакшми и, взяв в руки младенца, попробовала его успокоить, потрясывая его и напевая колыбельный напев. Рохан в теле Ананды ещё сильнее плакал. Тогда Мандури туго спеленала ему руки и ноги и, двумя пальцами зажав ему носик, ловким движением всё же засунула ему в рот сосок и стала сдавливать рукой свою грудь, усиливая в ней поток молока. Рохан в безысходности только успевал, раздувая пухленькие щечки, чмокать губами и большими глотками проглатывать быстро наполняющие рот молочные струи, такие же быстрые и сильные, как слёзы, ручьём катящиеся по его лицу. При этом Рохан в теле Ананды почти терял сознание и терял сам себя в этом маленьком беспомощном теле. Голова младенца сильно кружилась, сознание плыло, и он крепко уснул спасительным долгим сном.

Потом довольная собой Мандури, когда Рохан очнулся ото сна в этой ужасающей реальности, ещё много раз на нём продемонстрировала Лакшми, как следует обращаться с малышом в такие моменты, когда он заходится плачем. И Лакшми под её контролем несколько раз подмывала малыша, вставляла ему в задний проход корешок какой-то травы, вызывающей стул, пеленала его и ловко засовывала ему в рот ненавистную грудь.

Звёздный воин – Рохан

Оказавшись в теле Рохана, Ананда осмотрелся в тёмной пещере. Он, продолжая сидеть в тишине, думал о том, что предпринять дальше: отныне его имя – Рохан! И теперь он, Рохан, обладающий не только гигантским духом, великими знаниями, но и превосходным мускулистым телом воина, встанет на защиту своего народа, обессиленного давлением колдуна Дугпа-Мары, и вернёт на их земли справедливость.

– Я, Ананда... – он осёкся и поправил себя: – Я, Рохан, звёздный воин справедливости, спасу тебя, святая земля моих предков!

Почуднее усевшись на каменный уступ, он скрутил ноги в лотос, ещё раз окинул взором окружающее пространство и застыл, погружаясь сознанием в медитацию, душа его направилась в логово старого колдуна, чтобы вызнать его тайные намерения. Получилось так, что

Ананда путешествовал во времени, сквозь дни и года несло его в тот день и час, когда к его народу пришла беда и люди стали, теряя рассудок, уходить в горы и пропадать там без вести. Сначала предположили, что внезапно исчезнувшие люди погибают в суровых горах, попав в лапы хищников, но это происходило с такой частотой, что заставило старейшин поселений усомниться в этой версии, и были созданы отряды, отправившиеся на поиски их следов. Но и эти группы людей также без вести канули в неизвестность. Страх рос в народе и одновременно сплотил его. Свои глиняные дома люди стали возводить почти вплотную друг к другу, и они напоминали своим видом длинную крепость.

Потом Рохан увидел, как старый колдун потерял покой, стал нервным, раздражённым, и ощутил слабость и затуманенность мыслей. И стали колдуну Дугпа-Маре сниться сны-кошмары, в которых его преследовали сущности. И считал Дугпа-Мара, что таким образом, через язык сновидений, он получает знамение – предупреждение о приближающейся к нему опасности.

Рохан так и продолжал, замерев, сидеть в тёмной пещере на холодном каменном уступе уже вторую неделю, погружённый в глубокую медитацию. Он своим прозорливым сознанием просматривал жизнь колдуна Дугпа-Мары, который уже вошёл в такое бесчинство, в такое беспредельное состояние вседозволенности, что творил с людьми всё, что хотел. Колдун не считал людей совершенным творением высших сил, наделённых бессмертной душой, а видел в них только рабочую силу и поработал их физические тела, овладевая духом, для того чтобы они трудились на него.

И теперь он, Рохан – Звёздный воин справедливости – должен внести равновесие между тёмными и светлыми мирами. Должен, должен Рохан силой своих светлых знаний не только обезоружить старого колдуна Дугпа-Мару, но и нейтрализовать его чары воздействия на людей. Людей из его многострадального народа, которых в каменоломнях чёрного мага было бесчисленное множество. И вернуть в их тела души, освободить людей из поселений от чар колдуна. Ведь в опустевших домах отчаявшиеся родные уже давно оплакали их и отпустили даже мысль о встрече со своими любимыми мужьями, женами, отцами, матерями, сынами и дочерьми...

Тайная империя колдуна Дугпа-Мары

Это началось давно, почти три сотни лет назад, когда потерявшегося в горах ребёнка подобрал старый отшельник Митул, изгнанный из своего селения за ужасную неизлечимую болезнь. Народ побоялся быть заражённым от него и, кидая в мужчину камни, гнал его подальше от своего селения. Побитый камнями, весь в ушибах и ссадинах, в кровавых подтёках на ободранной одежде он, спрятавшись в горной расщелине, горько плакал от обиды, утирая и размазывая слёзы по своему лицу серой войлочной шапкой. Никто, даже из его родных, не кинулся ему на помощь.

Так, в страхе и одиночестве, шёл его первый день в горах, потом другой, третий... Ждал, ждал он своей неминуемой смерти и боялся умирать. День сменял ночь, а он всё ещё живой ворочался с боку на бок на холодном полу и не умирал, только всё сильнее в сведённом желудке да урчащих кишках ощущал голод и сильную расслабленность тела.

Митул с трудом поднялся, кое-как дотянулся до поросшей плесенью стены и сорвал с неё гриб, поднёс его к носу, понюхал, а потом с жадностью стал долго жевать его. Тёплые волны разливались по телу, и красочные сны, в которые он мгновенно погрузился, были нереально правдоподобными. В них Митул видел себя здоровым, счастливым и полным сил.

Когда он проснулся, никакой усталости и боли в членах больше не ощущал. Он впервые за последние дни сладко потянулся, размял затёкшие кости и отправился в горы добывать себе пропитание.

Так и стал жить Митул отшельником в горах, далеко от родного народа.

Его лик день ото дня приобретал грозный, хищный, злостный вид, так как на его лице сильно отразилась обида и ненависть к жизни. Он ненавидел жизнь в том проявлении, в котором она досталась ему. Всей своей обиженной, оскорблённой душой Митул ненавидел народ, который изгнал его, обрекая на страдания и мучительную погибель. Народ, который, вместо того чтобы помочь излечиться от недуга, отрёкся от него. И ненавидел Митул тех, кто теперь жил лучше его, счастливей его, имел свой дом, кров, свою постель, и тискал каждую ночь свою женщину, и пополнял в этих объятиях численность своего рода, держал в своих руках замечательных сыновей и умилялся улыбками дочерей.

Со временем Митул сжился с этой ненавистью, но сам себе поклялся отомстить народу, сотворившему с ним это зло. Митул стал долгими днями и ночами впадать в транс под воздействием странных, растущих на длинных тонких ножках по горной стене грибов. В таком изменённом сознании стал он бывать душой в каком-то другом измерении, общаться там с демонами и черпать оттуда, из этой тёмной пропасти, из этой бездонной бездны, чёрные магические знания.

А потом и ему, Митулу, улыбнулось счастье, когда он в очередной раз, будучи на охоте, наткнулся на мёртвое тело женщины, рядом с которым ползал и тормозил мать, требуя, чтобы она встала, плачущий маленький ребёнок. Митул взял Мару, так он его окрестил, на руки, прижал к себе, как самое дорогое сокровище, и, успокаивая малыша, понёс его в своё логово. Теперь Митулу было ради кого и для кого жить. И знаниями, которыми Митул овладел, он охотно делился с Марой, считая его не только своим преемником знаний, но и своим единственным сыном. Митул считал, что его послали духи, которым он служил. Для Мары он, охотясь, раздобыл шкуру буйвола, которая на протяжении долгих лет служила ему постелью, а также местом, на котором Мара забавлялся игрушками. На этой шкуре у него валялись когти птиц, камни, косточки, которые он с детства раскидывал и видел в них различные картины происходящего, и козьи копытца. Потом, когда Митула не стало, Мара, считавший его своим родителем и скорбевший об этой утрате, в память о нём нанизал эти копытца на толстую, скрученную в несколько шнуров нить и ожерельем повесил на шею. Прикасаясь к ним, Мара всегда ощущал тонкую связь со своим отцом и часто прибегал в своих злодеяниях к его помощи.

Далеко среди горных долин сокрытый от посторонних глаз высокой горной грядой спрятался тайный подземный ход, тянувшийся сквозь горное нутро в мистическую империю колдуна Дугпа-Мары. Там, в основанном ещё при отце городе, и находилось у него хранилище человеческих душ, оберегаемое верными сынами-воинами Дугпа-Мары, к каждому из которых от колдуна тянулись невидимые чёрные энергетические нити управления.

Человеческие же души были посредством колдовских ритуалов заточены в собственные запрограммированные и зомбированные колдуном тела и выполняли самую трудную работу в каменоломнях, вытачивая в тёмных горных скалах большой чёрный город, который был назван в честь именитого отца колдуна Дугпа-Мары – городом Митул.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.